

ПОЛІТЯ

Б.И.Макаренко
РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ
 Памяти А.М.Салмина

Яркость закатившейся звезды Алексея Михайловича Салмина можно определять и описывать очень по-разному. Осмелюсь предложить в качестве главной отличительной черты этого замечательного человека такое определение как *русский европеец*. Стать им – двойной человеческий подвиг. Подвиг – от слова «подвижничество».

В Советском Союзе очень непросто было быть русским ученым: постигшим и впитавшим все, что было в общественной философской традиции, с тончайшим чувством такта совместившим ее светские и религиозные начала, умевшим знать и гордиться отечественной воинской, духовной, культурной славой, ни на секунду не впадая в гордыню великодержавия.

Еще труднее было быть европейцем. В «башне из слоновой кости», в которую был вынужден заточить себя свободный дух молодого ученого, была только одна привилегия: копить знания. Не ради диссертации, очередной статьи или карьерного шага вверх, а ради самого знания – единственной стези к истине, человеческому и духовному совершенству, открытой в советское время для того, кто не желал мириться с идейным и духовным диктатом коммунистической системы.

Не он один отвергал императивы марксистского видения истории и развития общества – к этому тянулись многие достойные представители общественной науки. Я помню, как сам в свое время открыл для себя истину (это цитата из одного уважаемого мною американского историка): *теории, построенные вокруг одного фактора – детский сад общественных наук*. Так вот, из «детского сада» марксизма стремились вырваться многие. Но может быть именно поэтому большинству исследователей было трудно представить себе картину мира, построенного на единой цельной теоретической основе. Они уходили в *эмпирику страноведения*, становясь блестящими специалистами в конкретных проблемах отдельных стран. А.М.Салмин нашел для себя куда более трудный европейский выход. Для него теоретической основой трактовки общественных процессов – российских, страноведческих, глобальных – стал полный набор знаний о человеческом обществе, накопленный с античного мира, через европейское средневековье и новое время и до живого опыта общения с современниками – политиками и экспертами.

Напомню о том, что по институтскому образованию Алексей Михайлович был востоковедом. Востоковед в советскую эпоху получал

уникальное знание: ему одному было позволено узнать со студенческой скамьи, что общества могут быть организованы и жить на совершенно иных началах, отличных от жесткой дихотомии «социализм-капитализм».

Европейскую философскую традицию А.М.Салмин знал не хуже, а наверное, лучше многих своих европейских коллег. Как иностранец, выучивший чужой язык настолько хорошо, что с ним не мог сравниться ни один из тех, для кого этот язык был родным. Ничего не умея делать вопреки, Алексей Михайлович прочел всех – от античных философов до новинок западной политической мысли. Но энциклопедичность его знаний – не в объеме прочитанного, не в количестве, а в качестве освоения материала. Разница между А.М.Салминым и иным (хорошим) ученым-гуманитарием той поры можно уподобить разнице между комментариями к «Евгению Онегину», сделанными Ю.Лотманом и В.Набоковым. Первый комментарий – эрудированный и умный экскурс в пушкинскую эпоху в России, подробно рассказывающий о том, как и почему автор заставляет своего героя вести себя так, а не иначе. Второй – взгляд «человека мира», для которого Онегин и его автор – часть цельной картины мировой культуры, обращенный как искушенному отечественному, так и просвещенному зарубежному читателю. Пушкинский роман у Набокова сверкает как яркий бриллиант в диадеме других достижений мировой (на тот период – преимущественно европейской) культуры. А.М.Салмин был продолжателем той (увы немногочисленной) когорты наших соотечественников, для кого «русское» и «мировое» было не антитезой, а единым целым. Пушкин, Набоков... мало кого еще можно поставить в этот ряд?

Для слушателя и читателя первый опыт знакомства с А.М.Салминым мог превратиться в серьезное испытание: имена, реалии, концепции, упоминавшиеся в интеллектуальном построении аргументов в пользу собственной мысли, кружились как в калейдоскопе. Лишь постепенно – благодаря педантичности и тщательности автора – появлялось целостное восприятие этой мысли, а путь, который привел его к выводу, хотелось повторять вновь и вновь. Не только для того, чтобы убедиться в его правильности, но в целях овладения искусством обработки и анализа богатого и многообразного фактического и теоретического материала.

Вторая – не менее важная составляющая «европейскости» Алексея Михайловича – его видение международной политики. Отечественная традиция внешнеполитической науки почти неизвестна либеральная школа. Два фактора – жесткая биполярность международных отношений времен холодной войны и утомленность от нужды притворяться сторонниками марксистской теории – привели к тому, что доминировать в наших научных кругах стало шумпетеровское видение мира в духе «реалполитик» – циничного баланса силы, дихотомии «мы–они». Правда «черное и белое» в этой картине мира могло меняться местами с фантастической быстротой. Вчерашние «друзья» становились завтраш-

ними врагами и наоборот. Однако в суеде этих «перекрашиваний» обычно видели просто колебания маятника силового баланса, и крайне редко и лишь немногочисленные наблюдатели учитывали в своем анализе устойчивые ценности, на которых зиждится внешняя политика современных демократий. Концепция философа Иммануила Канта об «отсутствии войн между республиками» оставалась практически неустраиваемой большинством отечественных теоретиков (добавим, и практиков тоже) внешней политики. Трудно судить, почему к ней относились столь скептически. Возможно, кому-то было трудно поверить, что поведением политиков (особенно – дипломатов) могут двигать идеалы и ценности. Другим могла претить сложность этой концепции и суровый скепсис самого Канта в отношении политиков-«республиканцев» (на современном языке – демократов). А.М.Салмин был одним из немногих, кто смог эту концепцию понять и принять во всей ее сложности и неоднозначности: демократии строят отношения с другими государствами, основываясь на своих ценностях, но это видение чревато и войнами с недемократиями, и эгоизмом и ограниченностью самих «демократов». Зона всеобщего мира возникает и расширяется медленно и со многими издержками, но при этом демократии не воюют с демократиями. Именно это видение мира – заметим, чисто европейское – можно найти в большинстве выступлений и текстов А.М.Салмина по международной тематике. При том в многочисленных диалогах с зарубежными собеседниками терпеливо и убедительно разъяснял реалии современной России, разрушал до сих пор существующие мифы и стереотипы о нашей стране, никогда не сбиваясь в «квасной патриотизм».

Еще одна отличительная черта А.М.Салмина, соответствующая лучшим традициям как отечественной, так и европейской культуры – умение **учить не поучая**. «Учительствовал» Алексей Михайлович не только тогда, когда читал лекции в МГИМО или в Московской школе политических исследований. «Учительствованием» были и его выступления на многочисленных семинарах, конференциях, научных и общественных форумах: слишком очевидным было его интеллектуальное превосходство и эрудиция. Так вот, в этом «учительствовании» А.М.Салмин никогда не опускал планку до уровня своих слушателей, а напротив, задавал такой уровень дискуссии, который заставлял аудиторию тянуться вверх. Единственное, что он делал, чтобы облегчить восприятие своих слов – чуть замедлить темп речи, чуть подробнее «разжевать» сложный посыл, прокомментировать цитату, дать (даже в устной речи) своеобразное «подстрочное примечание». «Учителем даром Божьим» А.М.Салмина делало именно то, что его слушатель постоянно ощущал, насколько беднее его знания по сравнению с «мэтром» и – если это был благодарный слушатель – тянулся вверх. Побудить своих учеников к интеллектуальным и духовным исканиям – в этом состояла сверхзадача А.М.Салмина как «Учителя».

Тему «русского европейца» можно продолжать бесконечно долго. Но, пожалуй нигде этот синтез не проявлялся так ярко, как в общении

Алексея Михайловича со своими европейскими партнерами и друзьями. Только европеец мог столь легко переходить с одного языка на другой, столь глубоко знать и столь тактично учитывать национальные традиции каждой европейской страны, слушать и рассказывать байки и анекдоты, понятные лишь тому, кто знает реалии национальной культуры. И только русский мог впитывать европейскую культуру столь страстно и даже жадно. А.М.Салмину хотелось почувствовать себя и французским мушкетером, и баварским бюргером, и английским джентльменом, при этом, разумеется, оставаясь самим собой. Потому что джентльмен, по точному наблюдению А.Куприна, это человек, который горд тем, что слово «Я» пишет на родном языке с большой буквы.

Таким человеком с большой буквы и был Алексей Михайлович. Он был одним из тех гигантов, на плечах которых покоится отечественная наука. Его трудами и исканиями ее здание стало выше, стройнее, современнее. Это наследие А.М.Салмина останется с нами – его друзьями, коллегами, учениками – навсегда. К сожалению, даже оставленное им на Земле духовное богатство не способно приглушить скорбь по безвременно покинувшему нас Большому Человеку.